

Наталья БАРЫШНАЯ

МИГРАЦИЯ КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

В статье анализируется комплекс взаимоотношений между принимающим и миграционным сообществами. Выявляются основные проблемы межэтнического взаимодействия в регионе под влиянием роста этнокультурного разнообразия. The complex of relationships between accepting community and separate groups of migratory communities is analyzed. The main problems of interethnic interaction in the region under the influence of growth of ethno-cultural diversity are revealed.

Ключевые слова:

этничность, этнический конфликт, толерантность, миграция, государственное управление, этнополитика, регион; ethnicity, ethnic conflict, tolerance, migration, public administration, ethnic policy, region.

Современная Россия представляет собой государство с интенсивно протекающими на всей его территории миграционными и этнополитическими процессами. После распада СССР Россия заняла 3-е место в мире (после США и Германии) по приему иммигрантов.

Все многообразие миграции населения можно представить в одной интегральной классификации миграционных процессов, основаниями для которой являются: тип пересекаемых границ; время пребывания в месте въезда; способ реализации перемещения; желание людей совершать переселение; причины переселения; социальные и этнические группы, участвующие в процессе миграции.

Признание роли структурных факторов в качестве детерминантов миграции оказало глубокое влияние на исследование этого явления. До конца прошлого столетия попытки концептуализировать миграцию были сфокусированы на различиях в уровне жизни территории исхода и территории приема, однако в последние годы сложилось понимание того, что эти различия лишь частично объясняют модели перемещения и адаптации людей.

Попытки разработать концептуальные рамки для понимания миграции восходят, по меньшей мере, к работе Равенштейна¹, который предложил кодекс «законов миграции» и подчеркнул, что развитие городов создает «полюсы притяжения». В неоклассической экономической теории описание этой проблемы впервые было дано в работах Льюиса в 1954 г.², а также Харриса и Тодаро в 1970 г.³, а марксистская традиция восходит к работам Каутского по аграрному вопросу (1899 г.)⁴.

Однако современные исследования выявили ряд существенных противоречий с выдвинутыми политэкономическими теориями. В частности, если миграция является лишь реакцией на разницу в доходах места исхода и места пребывания мигранта, то трудно объяснить, почему многие добившиеся успеха мигранты предпочитают возвращаться на родину после нескольких лет пребывания за границей. Описанные подходы обусловили развитие нескольких направлений исследований. С одной стороны, ряд ученых признали, что акцент на индивидууме ведет к игнорированию того, что обычно является решением всей семьи и, по сути, ее стратегией (как про-

БАРЫШНАЯ

Наталья

Александровна —
к. полит. н.,

доцент кафедры
государственного
управления и права
Балаковского
филиала РАНХиГС
socis64@gmail.com

¹ Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of Statistical Society of London, 1889, № 48(2), p. 167–235.

² Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labor // Manchester School of Economic and Social Studies, 1954, № 22(2), p. 139–191.

³ Harris J.P., Todaro M.P. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // The American Economic Review, 1970, № 60(1), p. 126–142.

⁴ Kautsky K. The Agrarian Question. — London : Zwan Publication, 1899.

исходит в случае, когда одни члены семьи уезжают, а другие остаются дома)¹.

Другие исследователи сделали акцент на том, как структурные характеристики и долговременные тенденции в странах происхождения и принимающих странах (часто именуемые «выталкивающими» и «притягивающими» факторами) формируют контекст, в котором происходит миграция. При этом важно отметить, что теории, фокусирующие внимание на экономических факторах, неспособны охватить более широкий социальный контекст миграции.

В частности, было предложено сравнить международную миграцию с внутренней. По заказу ПРООН было проведено исследование, в котором анализировалась связь между размерами пункта происхождения (измеряемого численностью населения) и величиной потоков квалифицированной рабочей силы². Было выявлено, что модели практически одинаковы как внутри стран, так и между ними. В частности, уровень эмиграции квалифицированных рабочих выше в небольших населенных пунктах, чем в крупных; аналогичным образом он выше в малых странах, чем в больших³.

Эти модели важны как методики анализа стимулов людей для перемещения. Перемещение как внутри стран, так и между ними в основном осуществляется в поисках более благоприятных возможностей. Это одна из причин, по которой люди тяготеют к городским центрам и почему высококвалифицированные профессионалы часто перемещаются в города и места, где их профессия уже укоренилась⁴.

Несмотря на значительный объем опубликованных материалов по вопросам миграции, и в частности миграции как социально-политического фактора, значительная часть экспертов отмечают, что, «к несчастью, данных по миграции по-прежнему мало. Для разработчиков политики гораздо проще посчитать

международные перемещения ботинок и мобильных телефонов, чем нянь и строителей»⁵.

Здесь важно отметить, что со времен формирования в XVII в. современных государств международная система строится на принципах суверенитета и территориальной целостности. В рамках этой системы, оформленной комплексом международных и внутренних нормативно-правовых актов, государства-нации (в лице правительств) управляют своими границами и определяют правовые основы для въезда-выезда людей.

Однако факт пересечения границы – скорее статистический факт. Значительно важнее понимание того, кто прибыл, с какой целью и на какой срок. Нельзя не согласиться с утверждением, что миграция населения влияет на демографическую, политическую, экономическую, этнокультурную обстановку не только в местах поселения мигрантов, но и в местах их выбытия. Изменяя социальную структуру, географию расселения и этнический состав населения, миграция, в конечном счете, воздействует на политическую организацию выселяемой и заселяемой территории, вынуждая ее соответствовать новым реалиям. Миграция этнокультурных сообществ (ее членов), например, в одних случаях приводит к снижению удельного веса местного (принимающего) населения, в других случаях за счет нее сокращается доля инокультурного в этническом плане населения и возрастает доля местного этнокультурного сообщества.

В первом случае начинается процесс увеличения числа представителей этнических миграционных сообществ в органах государственной власти (исполнительной, законодательной), изменяется представленность в СМИ (в качестве журналистов и персонажей их историй) и, как следствие, происходит изменение политического, социально-экономического курса развития этой территории.

Во втором случае наблюдается сокращение числа представителей этнического миграционного сообщества в публичном дискурсивном пространстве, что также приводит к изменению направления политики.

Так выглядит прямое воздействие мигра-

¹ Stark O. The Migration of Labor. – Cambridge : Basil Blackwell, 1991.

² Доклад о развитии человека. 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / пер. с англ.; ПРООН. – М. : Весь Мир, 2009, с. 27.

³ Clemens M. Skill Flow: A Fundamental Reconsideration of Skilled-Worker Mobility and Development // Human Development Research Paper, 2009, № 8.

⁴ World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. – Washington, DC: World Bank.

⁵ Доклад о развитии человека. 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / пер. с англ.; ПРООН. – М. : Весь Мир, 2009, с. 27–28.

ции инокультурных сообществ на политическую организацию территории. Но воздействие может быть и опосредованным, когда эмиграция или иммиграция в густонаселенных районах приводит к возникновению социально-экономических, религиозных и культурных противоречий, вызывающих общее состояние этнополитической напряженности, а уже затем эта напряженность приводит политическую структуру общества к трансформации.

В этой ситуации ключевым моментом выступает понимание того факта, когда и как мигранты и формируемые ими этнические миграционные сообщества (с присущими им этнокультурными отличиями) становятся элементами поля этнополитического взаимодействия.

Проблема этнических миграционных сообществ как этнокультурных меньшинств разрабатывается в России лишь последнее десятилетие и включает в себя широкий спектр оценок¹. Однако при всем спектре оценок первичным по отношению к мигрантам выступает фактор этничности.

Этническая принадлежность иммигранта является сегодня определяющим маркером отношений «свой — чужой». По данным Левада-Центра и нашим собственным исследованиям, ксенофобские настроения разделяют большинство населения². Преувеличенное значение этничности, пронизывающее все аспекты социальных контактов (транспарентная этничность), как уже отмечалось, в первую очередь затрагивает мигрантов. Антимигрантские настроения базируются на представлении о мигрантах как чуждых, иных и тесно коррелируют с распространенностью ксенофобий.

Тесная взаимосвязь мигрантофобий и этнофобий лежит на поверхности: и мигранты, и представители других этнических групп являются «иными», отношения местного населения и с теми и с другими проецируются через призму отношений «свой — чужой». Мигрантофобии проецируются на представителей этнических

общин, зачастую независимо от времени и особенностей их формирования³.

Факторы роста этно- и мигрантофобий не могут быть объяснены однозначно. Как и все фобии, они производны, с одной стороны, от страха утраты «ресурсов», с другой — являются следствием страха «утраты собственной идентичности»⁴. Но не только — здесь и боязнь конфликтов, и геополитические страхи.

По мнению В. Мукомеля, известные антимигрантские аргументы, в целом, сводятся к стигматизации населением факторов потенциальной утраты ресурсов, идентичности, возможных конфликтов, к геополитическим опасениям⁵.

К схожей аргументации, прекрасно вписывающейся в российский дискурс, прибегает С. Хантингтон в одной из последних публикаций. По его мнению, в отличие от предшествующих групп мигрантов, мексиканцы и другие латино не ассимилируются в американском мейнстриме, а формируют взамен собственные политические и лингвистические анклав и отвергают англо-протестантские ценности (ценности *WASP*), на которых основывается американская мечта. Культурная граница между испано-американцами и англо-американцами может заменить расовое деление между черными и белыми как наиболее серьезный раскол в американском обществе. Характерен подзаголовок, вынесенный на обложку журнала: «Как испаноговорящие иммигранты угрожают идентичности, ценностям и образу жизни Америки»⁶. Аналогичный подход демонстрирует и З. Бжезинский, озабоченный изменением этнодемографического состава США⁷.

Если в отношении преступности, асоциального поведения мигрантов нет однозначных выводов, то значимость культурной дистанции между ними и принимающим населением неоспорима. Мы исходим из факта, что чем больше культурная

³ Бедеров И. Незаконная фамилия // Новая газета, 11.07.2002, с. 4.

⁴ Левада Ю.А. Указ. соч., с. 167.

⁵ Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. — М.: ИС РАН, 2006.

⁶ Huntington S.P. Hispanic Challenge // Foreign Policy, 2004, March/April, p. 30.

⁷ Brzezinski Zb. The Choice. Global Domination or Global Leadership? — N.Y., 2004. Цит. по: Иноземцев В. Богатство «выбора» не исчерпывается предложенными Зб. Бжезинским вариантами / Свободная мысль — XXI, 2004, № 5(1543), с. 70.

¹ Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / под ред. В.В. Степанова, В.А. Тишкова. — М., 2009; Антропология социальных перемен: сборник статей / отв.ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. — М.: РОССПЭН, 2011.

² Левада Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000. — М.: Московская школа политических исследований, 2000, с. 238.

дистанция, тем выше уровень мигрантофобии и этнофобии. При этом в некоторых случаях противоречия со временем не только не стираются, но и усиливаются. Контакты между местным населением и мигрантской общиной сводятся к минимуму. Происходит стягивание зон контактов и взаимодействия, способное перейти в самоизоляция/самосегрегацию.

При этом добровольная самосегрегация общин этнических мигрантов – чаще всего осознанная стратегия адаптации к принимающему обществу, обусловленная низким уровнем готовности мигрантской общины к интеграции с местным сообществом. Создание «буферной среды», по выражению И. Кузнецова, воспроизводящей социальные связи и сети, традиционную культурную среду, наиболее характерно для тех этнических общин, традиции, культура, сложившиеся нормы поведения которых существенно отличаются от бытующих у местного населения¹. Классический пример – китайцы, во всех мегаполисах мира замыкающиеся в своей общине. (Разумеется, это выбор лишь части представителей мигрантской общины, во всякой этнической общине имеются и те, кто осознанно стремится интегрироваться в принимающее общество и дистанцируется от соотечественников.)

С одной стороны, сегрегация (самосегрегация) – стратегия общины, с другой – результат политики принимающего общества. И дело не только в бытовых, чаще всего не складывающихся отношениях между представителями общины и местным населением. Огромное значение приобретает действенность социальных, экономических, культурных институтов, призванных обеспечивать социализацию населения, однако в современных условиях не ориентированных на социализацию мигрантов, прибывающих из других социумов. Одним из основных инструментов реализации механизма интеграции является формирование условий культурного плюрализма как активного утверждения культурного разнообразия, в котором видится не только неизбежность его осознания, но и позитивные ценности, которые необходимо активно поддерживать и укреплять².

¹ Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Указ. соч., с. 8.

² Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2004, с. 258.

Однако необходимо помнить, что конструирование и использование этнических категорий имеет также и идеологический аспект, часто именуемый этницизмом, который оказывается достаточно эффективным в периоды политических и экономических кризисов и может, используя этнические маркеры, превращать что угодно в объект политических манипуляций³. Как справедливо отметил Андре Буржо, в конечном счете, трактовка концепта этничности восходит к вопросу о том, какие формы может принимать участие социальной группы в политической жизни государства. Иными словами, способны ли этнические группы включиться в процесс формирования государства-нации, что предполагает признание надэтнических институтов власти, которые, в свою очередь, должны гарантировать культурное и политическое разнообразие. В противном случае этнические группы могут образовывать «общины» (центры влияния), которые де-факто видят свое будущее вне национального государства и составляют, таким образом, группы политического давления.

Идеологические основания этничности и межэтнических конфликтов нередко служат претензиями на утверждение идентичности. В контексте постсоветской России идентичность может стать ключом к пониманию этницизма⁴. В ситуации структурного кризиса претензии на идентичность (а особенно претензии на право формирования идентичности) проявляются особенно ярко, часто затмевая собой его материальные и экономические причины. На базе традиционных ценностей, в условиях обострения отношений между отдельными этническими группами и государством, к которому они принадлежат, идентифицирующая идеология производит на свет этницизм. Апелляция к этнической идентичности, к различным символам может служить идеологическим оружием, которое те или иные группы и социальные силы используют различными, иногда диаметрально противоположными способами.

³ Буржо А. Счастливым народам этносы не нужны // Этнопанорама, 2005, № 3–4, с. 45–59.

⁴ Гудков Л. Негативная идентичность. – М.: Левада-Центр, 2004.